

Вэй Хуань с сомнением переосмыслила свои отношения с Вэй Синь. После смерти Цинян и матушки, желая продемонстрировать свою добродетельность, госпожа Цуй официально признала Вэй Хуань своей приёмной дочерью. Условия жизни и содержание у них с Вэй Синь стали практически одинаковыми. Вэй Синь относилась к Вэй Хуань гораздо ближе, чем к другим сёстрам, и именно её, а не кого-либо ещё, госпожа Цуй выбрала сопровождать Вэй Синь во дворец. Для такой второстепенной ветви семьи, как семья Вэй Сюаньчжэня, звание «сопровождающей принцессы» могло значительно повысить брачную ценность их дочерей. Даже если ни Вэй Синь, ни Вэй Хуань не станут наложницами князя Дая, их репутация возрастет, и женихи пойдут косяком. Вэй Сюаньчжэнь, человек амбициозный, постоянно наставлял Вэй Синь ладить с наследным принцем и князем Дай, приказывая Вэй Хуань помогать ей и не уклоняться от обязанностей. Госпожа Цуй, однако, не разделяла его страсти к интригам. Перед отъездом во дворец она настойчиво советовала им держаться вместе, избегать неприятностей, а по возвращении найти себе достойных мужей. Если удастся подружиться с принцессой — и того лучше, но ни в коем случае не следовало связываться с наследным принцем, князьями, Цуй Мин-дэ или сёстрами из клана Фан. Хотя Вэй Хуань и презирала госпожу Цуй, она не могла не признать, что та права. Поэтому, оказавшись во дворце, она сразу поставила себе главной целью подружиться с принцессой. Пока что успехов не было, но и промахов тоже. Вэй Синь же с самого начала принялась заискивать перед Цуй Мин-дэ, а потом примкнула к князю Даю Жую, напрочь забыв материнские наставления. Если эта глупышка добьётся положения, Вэй Хуань не только не получит от этого выгоды, но и рискует быть втянутой в её беды.

Воспользовавшись визитом посланца от госпожи Цуй, Вэй Хуань передала с ним письмо. В нём она не стала описывать поведение Вэй Синь, а лишь намёком упомянула, что князь Дай часто бывает на уроках и хорошо знаком со всеми сопровождающими из Пэнлая и Чертога Чжуцзин.

Госпожа Цуй быстро ответила. Само письмо Вэй Хуань не видела, но содержание угадала легко — поведение Вэй Синь вдруг резко переменялось. Та, что ещё недавно открыто бранила и наказывала Вэй Хуань, теперь вызвала её к себе и наговорила кучу фальшивых нежностей, пообещав стать ещё ближе. Она даже предложила Вэй Хуань последовать примеру Эхуан и Нюйин, став наложницами князя Дая вместе. Вэй Синь сказала, что князь Дай любит конное поло, а Вэй Хуань в этой игре не знает равных. Если та проявит себя на поле, то непременно привлечёт его внимание. Разумеется, князь Дай, человек знатный и выдавший виды, обычными трюками его не удивишь. Нужно показать самое лучшее, например, стойку на поводьях, стойку на одном стремени или вращение в седле.

Вэй Хуань смотрела на Вэй Синь. Та думала, что хорошо скрывает свои мысли, но не учла, что Вэй Хуань выросла с ней бок о бок и изучила каждую её ужимку.

— Благодарю сестру за совет, — сказала Вэй Хуань, слегка улыбнувшись и сжав кулак.

Спустя несколько дней во дворце устроили матч.

Вэй Хуань всё просчитала. Не учла она только принцессу Чанлэ Тайпин.

Когда Ли Тайпин на всём скаку понеслась прямо на неё, Вэй Хуань от неожиданности вздрогнула. Дугу Минь и Вэй Синь взяли её в клещи, и она нарочно изобразила слабинку. Такой расклад — одна против двух — позволял в пылу борьбы «случайно» нанести Вэй Синь травму. Но тут обычно робкая принцесса вдруг ринулась вперёд. Вэй Хуань и Вэй Синь, опасаясь за неё, застыли, и даже Дугу Минь замешкалась. В итоге мяч перехватила принцесса, хотя Дугу Минь тут же отбила его обратно. Вэй Хуань с досадой оглянулась на Ли Тайпин и увидела, как та, запыхавшись, кричит ей:

— Сынян, ты в порядке?

Неожиданно сердце Вэй Хуань дрогнуло.

— Нет, — тихо выдохнула она, так, что никто не услышал, развернула коня, стремительно перехватила мяч и вогнала его в ворота. Ли Тайпин первая принялась аплодировать и кричать, казалось, она радуется ещё больше, чем если бы забила сама. Вэй Хуань почувствовала лёгкое торжество, бросила взгляд на Вэй Синь и нарочно медленно поехала следом за Ли Тайпин в сторону. Она даже не задумываясь выпила поданный принцессой сахарный сок из тростника, после чего снова посмотрела на Вэй Синь. Та скрежетала зубами, и лицо её исказилось от злости. Вид этот доставил Вэй Хуань огромное удовольствие, и даже стоявшая рядом Ли Тайпин показалась ей куда милее. За следующие несколько таймов Вэй Синь всё же забила гол, но Вэй Хуань это уже не волновало.

Напротив, Ли Тайпин сама подскакала к ней с жалобой:

— Сынян, посмотри на Фан Ци и её сестру! Игруют только для себя, а получив мяч, так и норовят передать друг дружке!

Вэй Хуань на мгновение опешила, затем вспомнила, что она — капитан команды, а принцесса Чанлэ — её игрок, который жалуется капитану. Она с удивлением посмотрела на Ли Тайпин и машинально успокоила её, но та, обычно такая непонятливая, на сей раз уловила в её словах нотку упрёка и тут же сказала:

— Сынян, прости.

Вэй Хуань удивлённо приподняла бровь, уставившись на Ли Тайпин. Пробыв во дворце уже немало, она впервые разглядывала принцессу как обычную девушку. Черты её лица сочетали в себе лучшее от обоих императоров — где нужно было величие, там было величие, где нужна была утончённость — там была утончённость. Сейчас она была ещё юна, фигура не сформировалась, наряд — детский, но уже угадывалась будущая красавица. Подрастёт — глядишь, и станет красотой, способной смутить целые государства. Кстати, она родилась в один год с Цинянь. Та тоже была изящной и хрупкой. Если бы Цинянь не умерла так рано, кто из них был бы прекраснее?

Цинянь, Цинянь... Мысленно повторяя это имя, Вэй Хуань всё сильнее хотелось обнять Ли Тайпин, погладить её мягкие волосы. Она подавила эту непочтительную мысль и, глядя на Ли Тайпин, улыбнулась мягкой и горькой улыбкой.

После большого утреннего собрания на следующий день аудиенций обычно не бывало. Однако, придя ранним утром в Чертог Чжэньгуань, я увидела, что старшие советники и главы восьми ведомств собрались в переднем зале. Отец с матушкой тоже сидели там в парадных одеяниях. Матушка издали заметила меня и покачала головой. Я поспешила удалиться в боковой зал. Когда совещание наконец закончилось, был уже полдень. Наследный принц сопровождал отца в алхимическую комнату посмотреть снадобья, а матушка вызвала меня во внутренние покои.

— Прочи, — сказала она, доставая из рукава меморандум.

В последнее время я уже привыкла к официальным документам и с первого взгляда поняла, что это секретный доклад из провинции. Я с сомнением посмотрела на матушку. Та устало улыбнулась:

— Читай. Всё в порядке.

Раздумывая, какие провинциальные дела могут касаться лично меня, я медленно развернула меморандум. Первая же строчка заставила меня остолбенеть.

— У Миньчжи... Хэлань Миньчжи... умер? — подняла я глаза.

Матушка кивнула, несколько раз пошевелив пальцами, прежде чем заговорить:

— Я из уважения к его покойной матери сослала его в Лэйчжоу. Но он не унялся, принялся изрыгать хулу на Шэнжэня. Начальник почтовой станции, видя его нераскаянность, доложил в управу, и цыши приказал дать ему сто ударов палками. Не стерпев позора, он в ту же ночь повесился на конском поводе.

Я не могла представить, как можно повеситься на поводе, но раз матушка так говорит, значит, так и было. Несколько месяцев назад я жаждала его смерти, а теперь, когда он действительно умер, ощутила лишь пустоту. Я держала меморандум в руках и не знала, что сказать.

Матушка произнесла ровно:

— Решила, что лучше тебе узнать об этом прямо от меня, чем строить догадки, наслушавшись чужих пересудов. Он сам навлек на себя смерть. Это не твоя вина. Не думай об этом.

В душе у меня всё перевернулось. Я ещё раз взглянула на меморандум, положила его на стол и, сжав губы, сказала:

— Благодарю матушку.

Матушка, видя, что я молчу, приподняла бровь и добавила:

— Сегодня умер твой учитель Сюй. Доктор Тайчана Юань Сыгу подал записку, предлагая дать ему посмертное имя «Мяо». Только что чиновники, посоветовавшись, заявили, что это весьма подходяще, и что из-за его смерти отменять аудиенции не требуется.

«Мяо» было позорным посмертным именем. Сюй Цзинцзун был человеком, которого матушка высоко ценила. Дать ему такое имя — значило нанести ей прямой удар по лицу. Я в тревоге взглянула на матушку, но та, кажется, уже справилась с гневом. Я поспешила возразить:

— Матушка, успокойтесь. Учитель Сюй был выдающимся сановником. Дать ему такое имя — вопиющая несправедливость. Отец тоже не согласится.

Матушка фыркнула и сказала:

— Я уже вызвала Люлана во дворец. Ты отправишься с ним, чтобы от имени твоего отца и меня выразить соболезнования. Погребальные дары могут быть чуть щедрее обычного. Соблюдай ритуал ученика.

<http://bllate.org/book/16278/1466410>